

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации <http://www.srji.org/resources/search/133/>. Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АСАДУЛАЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №15569/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

17 сентября 2009 года

***ВСТУПИЛО В СИЛУ
1 марта 2010 года***

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Асадулаева и другие” против России

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция) в составе Палаты в следующем составе:

Кристос Розакис, *Президент*,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штейнер,

Дин Шпильманн,

Сверре Эрик Йебенс,

Джорджио Малинверни,

Георгий Николау, *судьи*,

и Серен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Заседая 27 августа 2009 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№15569/06) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») тремя гражданами России, перечисленными ниже в пункте 5 («заявительницы»), 7 апреля 2006 года.

2. Заявительниц в Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" ("SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в Москве, Россия. Правительство Российской Федерации ("Правительство") было представлено г-ном Г. Матюшкиным, представителем Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 28 мая 2005 г. Президент Первой Секции принял решение применить Правило 41 Регламента Суда о рассмотрении жалобы в приоритетном порядке и уведомить об этом Правительство. Также было принято решение рассмотреть дело по существу одновременно с вопросом о приемлемости (часть 3 Статьи 29).

4. Правительство возразило против рассмотрения вопроса о приемлемости дела одновременно с рассмотрением дела по существу и применения Правила 41 Регламента Суда. Изучив возражения Правительства, Суд отклонил их.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители:

1) Г-жа Ляйла Адиевна Асадулаева (также пишется как Лейла/Лайла Асадулаевна), родилась в 1967 году;

2) Г-жа Асет Эслюдиевна Саитова, родилась в 1981 году, и

3) Г-жа Зинаида Адиевна Асадулаева (также пишется как Адыевна), родилась в 1976 г.

6. Заявители проживают в селе Алхан-Кала Грозненского района Чеченской

Республики.

7. Первая и третья заявительницы являются сёстрами г-на Бекмана Адыевича Асадулаева, родившегося в 1979 году. Вторая заявительница является его женой. У супругов двое детей, родившихся в 2003 и 2004 годах.

А. Похищение Бекмана Асадулаева

1. Информация, предоставленная заявителями

8. В рассматриваемый период времени Бекман Асадулаев жил в деревне Керла-Юрт со второй заявительницей и их ребёнком. Он работал сотрудником милиции отдела милиции села Побединского Грозненского районного отдела внутренних дел (РОВД).

9. 14 января 2004 года г-н С., начальник РОВД, вызвал Бекмана Асадулаева в РОВД и направил его в Министерство внутренних дел Чеченской Республики (МВД) для дачи объяснения г-ну Г., сотруднику управления кадров МВД, в связи с неявкой на работе.

10. Бекман Асадулаев, г-н Ш., работавший тогда в должности и.о. начальника отдела милиции села Побединского, и г-н А. поехали в МВД.

11. Примерно к 12:00 14 января 2004 года они приехали в МВД. Территория МВД, включая здание МВД, была окружена высоким забором, и на неё можно было попасть только через блокпост. На этом блокпосту посетители должны либо просить, чтобы им выдали специальный временный пропуск, либо показать удостоверение. На блокпосте информация о личности каждого посетителя записывалась в служебных регистрационных журналах. На охраняемом КПП на территорию МВД находилась вооружённая охрана. На внешней дороге, ведущей к МВД, находилось ещё два блокпоста. На каждом из них находились охранники и в каждом велись записи в регистрационных журналах.

12. По прибытии на КПП МВД Бекман Асадулаев и г-н Ш. вышли из машины и пошли по направлению к зданию МВД. Г-н А. остался в машине. Г-н Г. встретил Бекмана Асадулаева и г-на Ш. Бекман Асадулаев написал объяснение и вручил его г-ну Г. В тот момент трое или четверо вооружённых людей в военной форме вошли в комнату. Их форма была странной: серой, с большим количеством карманов. Покидая здание, Бекмана Асадулаева и г-на Ш. остановили вооружённые мужчины, которые, очевидно, вышли за ними. Мужчины спросили у Бекмана Асадулаева и г-на Ш. удостоверения личности. После проверки документов они вернули документ г-ну Ш., Бекману Асадулаеву документы не вернули. Они сказали Бекману Асадулаеву, что они хотели бы задержать его “для выяснения”, надели на него наручники и посадили в синюю автомашину ВАЗ-21099, которая была припаркована на въезде в здание МВД. Машина, на которой не было номерных знаков, поехала к блокпосту на входе. Служащие на пропускном пункте не остановили машину. Водитель только слегка посигналил и машину пропустили без досмотра. Выехав с территории МВД, машина уехала в неизвестном направлении.

13. Покинув МВД, г-н Ш. встретился с г-ном А.; он рассказал последнему о

происшествии, и они решили пойти к г-ну С., начальнику РОВД, чтобы сообщить ему о похищении Бекмана Асадулаева. Тем временем, г-н С. подъехал к входу МВД на машине. Выслушав информацию о произошедшем, г-н С. заверил их о том, что нет причин беспокоиться и что они “получат информацию обо всём” на следующий день. Г-н С. забрал служебный автомат Бекмана Асадулаева из машины, на которой трое мужчин приехали в МВД, и ушёл.

14. В последующие дни г-н С. пытался выяснить, кто насильственно увёз Бекмана Асадулаева, как похитители смогли проникнуть на территорию МВД и куда они могли увезти Бекмана Асадулаева. Однако его попытки не дали никакого результата.

15. В один из дней 2004 года г-н Ш. был убит.

16. Данное выше описание событий основывается на жалобах первой заявительницы, поданных во многочисленные государственные органы от 19 февраля 2004 года, письменных показаниях первой заявительницы её представителю от 8 декабря 2004 года, письменном заявлении г-на А. (дата не уточняется) и трёх картах территории МВД, нарисованных от руки.

2. Информация, предоставленная Правительством

17. Правительство утверждало, ссылаясь на информацию, полученную в ходе расследования уголовного дела №30012 (см. ниже), что 14 января 2004 года неустановленные вооружённые люди в камуфляжной военной форме похитили Бекмана Асадулаева с охраняемой территории МВД.

В. Официальное расследование похищения Бекмана Асадулаева

1. Информация, предоставленная заявительницами

18. 17 января 2004 года третья заявительница подала жалобу о похищении Бекмана Асадулаева прокурору Ленинского района города Грозного (районное отделение прокуратуры). Она описала обстоятельства похищения брата с территории МВД и потребовала помощи по установлению его местонахождения.

19. 4 февраля 2004 года районная прокуратура возбудила дело о похищении Бекмана Асадулаева по п. “2” статьи 126 Уголовного кодекса (похищение человека при отягчающих обстоятельствах). Делу был присвоен номер 30012. Заявительницы о данном решении уведомлены не были.

20. 18 февраля 2004 года районная прокуратура прислал повестку третьей заявительнице явиться в прокуратуру в любой день в связи с её жалобой от 17 января 2004 года. Непонятно, имело ли место данная встреча, и если имела, то были ли произведены следственные действия с участием третьей заявительницы.

21. 19 февраля 2004 года первая заявительница подала жалобу об исчезновении Бекмана Асадулаева некоторым государственным органам, включая прокурора Чеченской Республики, министра внутренних дел Чеченской Республики и Генерального Прокурора Российской Федерации. В своих письмах она описала обстоятельства похищения Бекмана Асадулаева с территории МВД. В частности,

она указывает, что 14 января 2004 года Бекман Асадулаев был вызван в МВД для встречи с г-ном Д., заместителем министра внутренних дел Чеченской Республики. Г-н Г. получил объяснительную от Бекмана Асадулаева, а когда последний уходил, неизвестные лица насильно задержали его и увезли на заднем сиденье синего автомобиля ВАЗ. Первая заявительница отметила, что машина похитителей не была остановлена на блокпосте и дала имена двух лиц, которые были свидетелями похищения её брата: г-н Ш. и г-н А.

22. 15 марта 2004 года районная прокуратура объявила третью заявительницу потерпевшей в связи с разбирательством по делу №30012. Она была уведомлена о решении в тот же день.

23. 12 мая 2004 года МВД проинформировало первую заявительницу о том, что они провели служебное расследование в связи с её жалобой о похищении Бекмана Асадулаева; однако в ходе расследования местонахождение Бекмана Асадулаева установлено не было. В письме также указывалось о том, что вся информация о расследовании уголовного дела должна быть получена из районной прокуратуры.

24. В письме от 12 мая 2004 года прокуратура Чеченской Республики (прокуратура Республики) в ответ на запрос третьей заявительницы уведомила её о том, что районная прокуратура возбудила уголовное дело о похищении Бекмана Асадулаева и что в настоящий момент проводятся оперативно-розыскные меры, имеющие целью установление его местонахождения и раскрытие преступления.

25. 17 мая 2005 года третья заявительница подала жалобу в районную прокуратуру о недостатке информации о ходе и результатах расследования уголовного дела №30012. Она просила органы провести эффективное и тщательное расследование о похищении брата и информировать её о предпринимаемых органами действиях.

26. 15 июля 2005 года третья заявительница подала в районную прокуратуру повторную жалобу о недостатке информации о ходе и результатах расследования уголовного дела №30012, повторяющую пункты, о которых уже шла речь в письме от 17 мая 2005 года, и отметила, что районная прокуратура проигнорировала её предыдущую жалобу.

27. 21 июля 2005 года представители заявительниц в письменном виде связались с районной прокуратурой. Они детально описали обстоятельства похищения Бекмана Асадулаева и подали жалобу о недостатке информации о ходе расследования уголовного дела №30012. В частности, они требовали, чтобы заявительницам сообщалось о ходе расследования, и о том, чтобы дело было возобновлено в случае его приостановления. Далее они сделали запрос о том, допрашивали ли органы расследования охранника, находящегося в день преступления на блокпосте МВД, предпринимались ли меры для установления того, каким образом проехала и не была досмотрена на блокпосту машина похитителей, осмотрено ли было место преступления, допрошены ли были очевидцы. Заявительницы и их представители не получили ответ на данный запрос.

28. 29 декабря 2005 года представители заявительниц направили письмо с тем же содержанием в прокуратуру Республики. Они переслали копию письма в районную прокуратуру. Ответов на письма не было.

2. Информация, предоставленная Правительством

(а) Служебное расследование

29. Из документов, предоставленных Правительством следует, что 17 января 2004 года органы провели служебное расследования происшествия 14 января 2004 года. Правительство не уточнило ни орган, который проводил расследование, ни предоставило никакой другой информации в этой связи.

(i) Допрос г-на Ш.

30. 17 января 2004 года в рамках служебного расследования был допрошен г-н Ш. Он рассказал, что 14 января 2004 примерно в 10:00 он приехал на машине вместе с Бекманом Асадулаевым и г-ном А. Бекман Асадулаев был вызван в МВД управлением кадров. Г-н Ш. и Бекман Асадулаев вошли в здание МВД, г-н А. остался снаружи в машине. Г-н Ш. и Бекман Асадулаев вошли в кабинет г-на Г., служащего управления кадров, который попросил Бекмана Асадулаева написать объяснение с тем, чтобы прояснить некоторую личную информацию в связи с наймом на работу. В этот момент три человека в камуфляжной форме, вооружённые автоматическим оружием, вошли в офис г-на Ж. Две минуты спустя вооружённые люди ушли.

31. Когда Бекман Асадулаев закончил писать объяснение, г-н Г. разрешил ему и г-ну Ш. уйти, и они покинули здание. Они увидели синюю автомашину ВАЗ-21099 с тонированными стёклами и без государственных регистрационных номеров. Около машины стояли четверо мужчин, вооружённых автоматическим оружием. Они были без масок. Один из вооружённых мужчин спросил Бекмана Асадулаева и г-на Ш., к кому они приходили. Г-н Ш. ответил, что они видели только г-на Г. Вооружённый мужчина попросил Бекмана Асадулаева и г-на Ш. предъявить служебные удостоверения. Проверив их, вооружённые мужчины вернули документ г-ну Ш. Они сказали ему, что он может уйти, но не отпустили Бекмана Асадулаева. Г-н Ш. попросил вооружённых мужчин представиться, но они отказались. Они силой посадили Бекмана Асадулаева на заднее сидение ВАЗ-21099, посигналили охранникам, которые открыли им ворота, и уехали с территории МВД в неизвестном направлении.

32. Г-н Ш. решил последовать за вооружёнными мужчинами, но в этот момент он увидел г-на С., начальника РОВД, который подходил к зданию МВД. Г-н Ш. незамедлительно известил г-на С. о похищении Бекмана Асадулаева. Г-н С. забрал автомат Бекмана Асадулаева и объяснил г-ну Ш., что он разговаривал с г-ном Ж., главой управления кадров МВД, и что Бекманом Асадулаевым занимаются “компетентные органы”, поскольку у них имелась “компрометирующая его информация”.

(ii) Допрос г-на С.

33. 23 января 2004 г. был допрошен г-н С., начальник РОВД. Он рассказал, что во второй половине дня 13 января 2004 года ему было приказано отправить Бекмана Асадулаева к заместителю главы МВД, ответственному за кадровые вопросы. Г-н С. вызвал Бекмана Асадулаева и его начальника, г-на Ш., в свой офис 14 января 2004 года в 9:00. Мужчины прибыли в назначенное время и

предположили, что кадровая служба МВД вызвала Бекмана Асадулаева в связи с пропуском им занятий в Школе милиции. После разговора с г-ном С., Бекман Асадулаев и г-н Ш. поехали в МВД.

34. Около 11:00 г-н С. приехал в МВД. У входа он встретил г-на Ш., который проинформировал его о том, что неизвестные вооружённые люди увезли Бекмана Асадулаева на синем автомобиле ВАЗ-21099 без государственных регистрационных номеров. Г-н С. не стал беспокоиться, полагая, что невозможно похитить человека с территории МВД без уведомления руководства МВД. Г-н С. спрашивал у начальников различных служб МВД об обстоятельствах исчезновения Бекмана Асадулаева, но никто из них не имел точной информации. Все, кого он опросил, полагали, что делом занимаются службы безопасности, однако не уточняли, какой именно отдел. Впоследствии г-н С. запрашивал информацию о происшествии с Бекманом Асадулаевым у различных органов, включая глав уголовного розыска Министерства внутренних дел, отдела специального назначения (ОМОН), оперативно-розыскного бюро №2 (ОРБ-2) и внутреннего управления по безопасности Министерства внутренних дел. Однако ни один из этих органов не имел никакой информации. Наконец, г-н С. сообщил, что у него нет никакой информации о местонахождении Бекмана Асадулаева и его похитителей.

(b) Проведение уголовного расследования

35. 4 февраля 2004 года районная прокуратура возбудила уголовное дело о похищении Бекмана Асадулаева по ч.2 статьи 126 Уголовного кодекса РФ (похищение человека с отягчающими обстоятельствами) и присвоила делу номер 30012.

36. 18 февраля 2004 года был допрошен г-н Ш., который подтвердил свои показания от 17 января 2004 года.

37. 19 февраля 2004 года г-н, дающий показания в качестве свидетеля, подтвердил свои показания от 23 января 2004 года.

(i) Запросы информации

38. 19 февраля 2004 года районная прокуратура запросила ОРБ-2 проинформировать следователей, проводились ли какие-либо специальные операции с целью ареста Бекмана Асадулаева, и имеется ли у них какая-либо компрометирующая его информация.

39. 1 марта 2004 года следователи запросили информацию, аналогичную той, что была запрошена у ОРБ-2, у Департамента ФСБ Чеченской Республики.

40. Согласно Правительству, ответы вышеупомянутых органов показали, что они не проводили каких-либо специальных операций с намерением арестовать Бекмана Асадулаева и не располагали информацией, которая могла бы его скомпрометировать.

(ii) Допрос г-на Ж.

41. 9 марта 2004 года следователи районной прокуратуры допросили г-на Ж.,

который во время происшествия занимал пост заместителя министра внутренних дел Чеченской Республики и являлся начальником кадровой службы МВД. Г-н Ж. рассказал, что 11 и 12 января 2004 года ему позвонил г-н Д., исполняющий обязанности министра внутренних дел Чеченской Республики. Г-н Д. Проинформировал г-на Ж. о том, что некий Бекман Асадулаев, милиционер Грозненского РОВД, скрыл важную информацию о себе при приёме на работу в милицию. Г-н дал инструкцию г-ну Ж. вызвать Бекмана Асадулаева в МВД для дачи объяснений.

42. После этого разговора г-н Ж. отдал приказ своему помощнику, г-ну Г., вызвать Бекмана Асадулаева в МВД и получить от него письменное объяснение по его личному делу и, в частности, для прояснения информации относительно родственников его жены.

43. 14 января 2004 года г-ну Ж. позвонил г-н Г. и сообщил о том, что Бекман Асадулаев приехал в МВД. Г-н Ж. дал инструкцию г-ну Г. принять Бекмана Асадулаева и получить от него необходимую информацию. 40-45 минут спустя г-н Г. сообщил г-ну Ж., что он получил объяснение от Бекмана Асадулаева и разрешил ему уйти. Во второй половине дня г-н Ж. встретился с г-ном С. Последний спросил у него, кто мог увезти Бекмана Асадулаева. Г-н Ж. ответил, что он не знает. Спустя четыре дня после похищения Бекмана Асадулаева его родственники, обеспокоенные его отсутствием, собрались у блокпоста МВД. Спустя восемь дней после похищения, на блокпосте МВД к г-ну Ж. подошли двое мужчин и женщина и спросили, что случилось с Бекманом Асадулаевым. Г-н Ж. объяснил им, что он не видел Бекмана Асадулаева 14 января 2004 года.

(iii) Допрос г-на А.

44. 15 марта 2004 года в качестве свидетеля был допрошен г-н А. Он заявил, что 14 января 2004 года между 10:00 и 11:00 часами он прибыл к зданию МВД с Бекманом Асадулаевым и г-ном Ш. Г-н А. остался в машине, в которой Бекман Асадулаев оставил свой служебный автомат, Бекман Асадулаев и г-н Ш. вошли в здание МВД. Через 30-40 минут г-н Ш. вернулся и сказал г-ну А., что четверо мужчин в камуфляжной форме увезли Бекмана Асадулаева в неизвестном направлении. Спустя 5-10 минут г-н С., начальник РОВД, подошёл к г-ну А. и г-ну Ш. Г-н А. спросил г-на С. о том, что случилось, и почему увезли Бекмана Асадулаева. Г-н С. объяснил, что Бекмана Асадулаева увезли для допроса. Тогда г-н С. забрал служебный автомат Бекмана Асадулаева.

(iv) Допрос третьей заявительницы

45. 15 марта 2004 года в качестве свидетеля следователи допросили третью заявительницу. Она сообщила, что 14 января 2004 года её брата вызвали в МВД вместе с г-ном Ш. по причине отсутствия первого на занятиях в Школе милиции. Третья заявительница узнала от г-на Ш., что когда г-н Ш. и Бекман Асадулаев покидали здание МВД, расположенное на охраняемой территории МВД, к ним подошли несколько мужчин, вооружённые автоматическим оружием. Они заставили её брата сесть в синюю автомашину ВАЗ-21099 без государственных номерных знаков и увезли его в неизвестном направлении. Далее, третья

заявительница была принята г-ном Ж., заместителем министра внутренних дел Чеченской Республики, который подтвердил, что Бекман Асадулаев был вызван в МВД для дачи информации. Бекман Асадулаев дал письменное объяснение г-ну Г. Сам г-н Ж. не видел её брата, но пообещал разобраться в случившемся.

46. В тот же день третьей заявительнице была объявлена пострадавшей в уголовном деле №30012.

(v) Следственный эксперимент показаний г-на Ш.

47. 16 марта 2004 года следователи провели следственный эксперимент показаний г-на Ш. Во время проверки г-н Ш. подтвердил свои предыдущие показания и “показал следователям расположение интересовавших [их] объектов”.

(vi) Показания М., З.А. и З.И.

48. 23 марта 2004 года некая г-жа М. дала следователям письменное показание, которое было приобщено к делу №30012. В частности, г-жа М. заявила, что она торговала продуктами на рынке на улице Алтайская, напротив МВД. 14 января 2004 года г-жа М. торговала продуктами на рынке. В тот день она не заметила ничего подозрительного и ничего не слышала о похищении Бекмана Асадулаева.

49. Правительство заявило, что некая г-жа З. А. и некая г-жа З. И. дали подобные показания (дата показаний не уточняется).

(vii) Допрос г-на Д.

50. 30 апреля 2004 года следователи допросили в качестве свидетеля г-на Д., который во время происшествия занимал пост исполняющего обязанности министра внутренних дел Чеченской Республики. Г-н Д. заявил, что 10 января 2004 года г-н Ж. проинформировал его о том, что личные дела нескольких милиционеров были неполными. В этой связи г-н Д. вызвал в МВД тех милиционеров, чьи личные дела не соответствовали установленным требованиям. В начале февраля 2004 года родственники Бекмана Асадулаева несколько раз обращались к г-ну Д. в связи с возможным похищением их родственника с охраняемой территории МВД. Г-н Д. не встречался с Бекманом Асадулаевым и никогда с ним не разговаривал.

51. Правительство утверждало, что следователи не допросили г-на Г., у которого был Бекман Асадулаев 14 января 2004 года, потому что он покинул Чеченскую Республику (дата не уточняется).

52. Правительство также заявило, что расследование дела №30012 было несколько раз приостановлено, поскольку не представлялось возможным идентифицировать лица, ответственные за похищение Бекмана Асадулаева. Расследование затем было возобновлено с тем, чтобы проверить информацию, полученную в результате предпринимаемых органами следственных действий. Правительство не указало даты решений о приостановлении и возобновлении расследования и не предоставило никакой дальнейшей информации в этой связи. Согласно Правительству, расследование о похищении Бекмана Асадулаева всё ещё не закончено.

53. Несмотря на специальные запросы Суда, Правительство отказалось

предоставить копии расследования уголовного дела № 30012. Оно заявило, что расследование не закончено и что оглашение документов будет нарушением статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса, поскольку дело содержит информацию военного характера и личные данные, касающиеся свидетелей и других участников уголовного процесса.

С. Последующие процессуальные действия

1. Процессуальные действия по признанию Бекмана Асадулаева пропавшим без вести

54. Постановлением от 21 июня 2005 года Грозненский районный суд Чеченской Республики (районный суд) удовлетворил прошение второй заявительницы о признании её мужа пропавшим без вести.

2. Процессуальные действия по признанию Бекмана Асадулаева умершим

55. В 2006 году (дата не уточняется) вторая заявительница подала ходатайство о признании мужа умершим в районный суд. В частности, она заявила, что Бекман Асадулаев пропал при угрожающих жизни обстоятельствах и с момента его исчезновения прошло два года и что, учитывая обстановку в Чеченской Республике, имеются основания полагать, что после похищения он был убит.

56. 25 мая 2006 года районный суд отклонил иск второй заявительницы. Суд, в соответствующей части, привёл следующие доводы:

“[Суд] получил копии материалов уголовного дела [№30012].

Из постановления о возбуждении уголовного дела от 04.02.2004 года видно, что 14 января 2004 года с охраняемой территории [МВД] неустановленными лицами в камуфляжной форме, вооружёнными автоматическим оружием из четырёх человек на а/м ВАЗ 21099 синего цвета, без государственных номерных знаков у входа в здание [МВД] насильственно был увезён в неизвестном направлении Бекман Асадулаев, 1979 года рождения, судьбы которого по настоящего времени неизвестна.

Из протоколов допроса заместителя министра внутренних дел Ж. от 09.03.2004 года; начальника Грозненского РОВД С. от 19.02.2004 года; и.о. министра МВД в то время Д. от 30.04.2004 года усматривается, что [Бекман Асадулаев] увезён с их ведома и, скорее всего, работниками силовых структур, поэтому у суда нет оснований полагать, что Асадулаев Б. А. мог погибнуть при похищении или его нет в живых.

Таким образом, о месте пребывания Асадулаева Б. А. имеются сведения до 14 января 2004 года. Пятилетний срок с этого времени не истёк.

Между тем, согласно ст. 45 ГК РФ, гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение пяти лет, а если он пропал без вести при обстоятельствах, угрожающих смертью или дающих основания предполагать его гибель от определённого несчастного случая, - в течение шести месяцев.

Суд не имеет сведений о том, что Асадулаев Б. А. пропал без вести при обстоятельствах, угрожающих смертью или дающих основание предполагать его гибель, так как увезён с охраняемой территории и куда не пропускают без соответствующих пропусков.”

57. Не имеется указаний на то, что вторая заявительница подала апелляцию на постановление районного суда.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

58. Статья 125 Уголовно-процессуального кодекса 2001 года России (УПК) указывает, что постановления дознавателя или следователя об отказе в возбуждении или прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту жительства, который уполномочен устанавливать законность и основания оспариваемых постановлений.

59. Статья 161 УПК не допускает разглашение данных предварительного расследования. Согласно ч. 3 Статьи, данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

60. Статья 1060 Гражданского кодекса России указывает, что вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов подлежит возмещению за счет государственной казны или казны муниципального образования.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА О НЕИСЧЕРПАНИИ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

61. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за не исчерпания внутренних средств правовой защиты. Оно утверждало, что расследование по делу исчезновения Бекмана Асадулаева ещё не окончено. Оно также утверждало, что заявительницы не подали жалобу в гражданском порядке о компенсации за причинённый ущерб согласно ст. 1069 Гражданского кодекса и не обжаловали решения следователей в суде согласно ст. 125 УПК.

62. Заявительницы оспорили это возражение. Они утверждали, что уголовное расследование показало свою неэффективность, поскольку за более чем четыре года расследования не было получено никаких значительных результатов.

B. Оценка Суда

63. Суд повторяет, что правило об исчерпании внутренних средств правовой защиты по ч. 1 статьи 35 Конвенции обязывает заявителей использовать сначала

средства правовой защиты, доступные и достаточные во внутренней правовой системе, которые дают право получить возмещение за причинённый ущерб. Такие средства правовой защиты должны быть достаточно определёнными не только в теории, но и на практике, в противном случае они не обладают требуемой доступностью и эффективностью. Часть 1 статьи 35 также требует, чтобы жалобы, которые предполагается рассмотреть Судом, были переданы в надлежащие национальные органы, и были рассмотрены ими, по меньшей мере, по существу и согласно формальным требованиям и в сроки, предусмотренные национальным законодательством, а также, чтобы были использованы все процессуальные средства, которые могли бы предотвратить нарушение Конвенции. Однако не существует обязательства использовать правовые средства, которые являются бесполезными или неэффективными (см. *Aksoy v. Turkey*, 18 декабря 1996 года, §§ 51-52, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI; *Akdivar and Others v. Turkey*, 16 сентября 1996 года, §§65-67, *Reports* 1996 IV, и самые последние *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, по 41964/98, § 64, 27 июня 2006 года).

64. Бремя доказывания лежит на Правительстве, утверждающим о не исчерпании всех средств правовой защиты, которые должно указать Суду с достаточной ясностью на неиспользованные заявителем средства и убедить Суд, что эти средства были эффективными и доступными как теоретически, так и практически в то время, когда происходили события, то есть, что они были доступны, позволяли заявителю получить компенсацию за причинённый ущерб и имели обоснованные перспективы на успех (см. *Akdivar and Others*, цит. выше, § 68, или *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan*, цит. выше, § 65).

65. Что касается аргументов Правительства, Суд считает, что российская правовая система предоставляет, в принципе, две возможности обжалования для пострадавших от незаконных и уголовных актов, совершённых государственными органами или их должностными лицами, а именно: гражданские и уголовные средства правовой защиты.

66. Что касается компенсации за вред, причинённый незаконными актами государственными должностными органами, в порядке гражданского производства, Суд уже указывал в некоторых подобных делах, что только эта процедура не может рассматриваться как эффективное правовое средство в контексте жалоб, поданных по статье 2 Конвенции. Рассмотрение дела заявителей в гражданском суде неспособно, при отсутствии выводов завершённого уголовного расследования, прийти к обоснованному выводу о том, кто совершил данные нападения, повлекшие смертельный исход и исчезновение, а еще меньше – привлечь их к ответственности (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00 and 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005, и *Estamirov and Others v. Russia*, no. 60272/00, § 77, 12 октября 2006). В свете вышеуказанного, Суд считает, что заявительницы не были обязаны воспользоваться средствами правовой защиты в порядке гражданского судопроизводства.

67. Что касается средств уголовного судопроизводства, предоставляемых российской правовой системой, Суд отмечает, что заявители подали жалобу в провощохранительные органы сразу после похищения Бекмана Асадулаева и расследование велось с 4 февраля 2004 года. Заявители и Правительство ставят под сомнение эффективность расследования с квалификацией похищения с

требованием выкупа.

68. Суд считает, что данная часть возражений Правительства вызывает вопросы об эффективности расследования, что непосредственно связано с жалобой заявительниц по существу. Таким образом, Суд решает присоединить это возражение к рассмотрению дела по существу и считает, что вопрос должен быть изучен ниже в рамках материальных положений Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

69. Заявительницы жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственник исчез после задержания представителями государства, а органы не провели эффективного расследования данного исчезновения. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

A. Аргументы сторон

1. Аргументы Правительства

70. Правительство заявило, что неустановленные вооружённые люди похитили Бекмана Асадулаева с охраняемой территории МВД. Правительство отметило, что расследование преступления ещё не закончено и нет доказательств того, что похитители являются представителями государства. В частности, упоминая камуфляжную форму похитителей, заявительницы ни разу не упомянули знаки различия на их форме или другие детали, по которым можно было бы определить принадлежность похитителей к тому или иному роду войск. Кроме того, первая заявительница описала форму как “странную” и, в любом случае, она не была очевидцем похищения, её единственным источником информации является г-н Ш. Согласно его описанию, камуфляжная форма похитителей была “странной”, из чего следует, что и он сомневался, что похитители принадлежат к российским военнослужащим. Заявительницы также не смогли указать, использовали ли похитители какую-либо военную лексику или выражения. Тот факт, что они носили оружие и говорили на русском языке, не доказывает их принадлежность к российским военнослужащим. Правительство также подчеркнуло, что члены незаконных вооружённых формирований часто выдают себя за военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов, что позволяет им беспрепятственно проникать в места их дислокации. В этой связи Правительство ссылается на события в Беслане, когда преступники беспрепятственно прошли через несколько блокпостов и взяли в заложники более тысячи человек. По мнению Правительства,

Бекмана Асадулаева могли похитить члены незаконных вооружённых формирований в связи с его профессиональной деятельностью в качестве милиционера, либо третьи лица в связи с “кровной” враждой. Более того, если бы государственные органы подозревали, что он участвует в незаконных вооружённых формированиях, они не стали бы инсценировать похищение, а привлекли бы его к ответственности надлежащим образом. В этой связи Правительство подчеркнуло, что никто из руководителей “силовых структур” формально не подтвердил факт ареста Бекмана Асадулаева.

71. Правительство также отметило ряд несоответствий в описании событий заявителями. Например, заявительницы указывают, что Бекман Асадулаев был вызван в МВД в связи с пропуском занятий в Школе милиции, тогда как на самом деле он был вызван для дачи информации, которую он предоставил при поступлении на работу. Кроме того, в МВД был вызван только Бекман Асадулаев. Г-н Ш. только сопровождал его туда и г-ну Г. никаких письменных объяснений не давал. Кроме того, заявительницы утверждают, что когда вооружённые мужчины вошли в кабинет г-на Г., Бекман Асадулаев писал объяснительную г-ну Г.; согласно показаниям г-на Ш., вооружённые мужчины вошли в кабинет до того, как Бекман Асадулаев начал писать объяснительную. Правительство особо подчёркивает, что из показаний г-на Ш. не следует, что г-н Г. был удивлён появлением вооружённых людей в его кабинете. Правительство делает заключение о том, что либо г-н Г. знал тех людей, либо он знал причину их появления.

72. Правительство также отметило, что если, согласно заявительницам, вооружённые мужчины следили за Бекманом Асадулаевым и г-ном Ш. в здании МВД, то из показаний г-на Ш. следует, что он видел четырёх вооружённых мужчин вне здания около автомобиля ВАЗ-21099. Важным также является то, что г-н Ш. никогда не говорил о том, что люди у автомашины ВАЗ, и люди, которые вошли в офис г-на Г., одни и те же лица. Согласно Правительству, г-н Ш. показал, что он смог бы идентифицировать похитителей, потому что они были без масок. Однако сколько бы он ни ходил в разные отделы Министерства внутренних дел, он их ни разу не встречал, хотя общее число милиционеров в Чеченской Республике не очень большое. Наконец, утверждение заявительниц о том, что похитители надели наручники на Бекмана Асадулаева, не было подтверждено г-ном Ш., который никогда не говорил про это следователям на допросе.

73. Правительство также утверждало, что расследование о похищении родственника заявителем удовлетворяет требованиям Конвенции об эффективности. Оно велось районной прокуратурой, независимым органом, который проверял различные теории произошедшего, в том числе возможность вовлечения в похищение военнослужащих. Многочисленные запросы информации были направлены в государственные органы; была допрошена третья заявительница, которая была признана потерпевшей, а также другие лица, которые могли иметь информацию о событиях 14 января 2004 года.

2. Аргументы заявительниц

74. Заявительницы утверждали, что вне разумных сомнений люди, которые забрали Бекмана Асадулаева с охраняемой территории МВД, были представителями государства. Они утверждали, что представители государства

часто не носят форму с различительными знаками, чтобы их не могли узнать. С начала военного конфликта в 1999 году камуфляжная форма снята с общедоступных продаж и представители федеральных сил изымали такую униформу и задерживали лиц, у которых она имелась. Заявительницы также подчеркнули, что беспрепятственный проход похитителей Бекмана Асадулаева через блокпосты означал, что охрана МВД либо узнала их, либо ими был получен приказ их пропустить. В этой связи заявительницы подчеркнули, что если бы похитители были членами вооружённых преступных группировок, их незамеченный проход через охраняемую территорию МВД побудил бы государственные органы провести расследование такого серьёзного нарушения. Однако никакой из аргументов Правительства не свидетельствует о том, что это было сделано. Они также указали на аргументы Правительства о том, что г-н Г. не был удивлён появлением вооружённых людей в своём кабинете, что, по мнению заявительниц, свидетельствует в пользу аргумента о том, что похитители Бекмана Асадулаева были представителями государства. Заявительницы также отметили, что указанные противоречия в описании ими событий не имеют большого значения для установления факта задержания их родственника представителями государства. В любом случае, как следует из объяснения г-на Ш., которое цитировало Правительство, Бекман Асадулаев просто предположил, что его вызов был связан с прогулом. Кроме того, заявительницы не утверждали, что г-н Ш. также был вызван в МВД. Что касается точного времени прихода вооружённых людей в кабинет г-на Г., то этот аргумент не является относящимся к делу, так как Правительство не оспаривало факт их прихода туда. Хотя Правительство утверждало, что вооружённые люди, которые вошли в офис г-на Г., и люди, находившиеся вне здания, являются разными людьми, это не может быть проверено, поскольку Правительство не предоставило копию показаний г-на Ш. по этому поводу. Что касается упомянутых наручников, то г-н Ш. не упомянул их в своих показаниях, положившись на Правительство. В ответ на аргумент Правительства о том, что Бекманом Асадулаевым могли заинтересоваться боевики в связи с его профессиональной деятельностью, заявительницы отметили, что проведённое расследование не обнаружило никаких доказательств о возможном участии незаконных вооружённых группировок в его похищении. Со ссылкой на дело *Kikaev v. Russia* (no. 29361/02, 15 ноября 2007) они также утверждали, что факт того, что лицо является милиционером, не уменьшает вероятность похищения представителями государства.

75. Заявительницы утверждали, что Бекман Асадулаев должен считаться умершим после его исчезновения при угрожающих жизни обстоятельствах и в отсутствие сведений о нём в течение нескольких лет. Они также заявили, что органы прокуратуры не смогли предпринять существенных действий в процессе расследования, таких как допрос охранников на блокпостах и г-на Г. Заявительницы не были проинформированы надлежащим образом о наиболее важных действиях во время расследования. Расследование было отложено и возобновлялось несколько раз. Оно уже идёт в течение четырёх лет, но никаких значимых результатов нет.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

76. Суд считает, что в свете показаний сторон, в жалобе поднимаются серьёзные вопросы по фактам преступления и праву Конвенции, определение которых требует изучение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже заявлял, что возражения Правительства о не исчерпании внутренних средств правовой защиты должно изучаться совместно с рассмотрением дела по существу (см. выше пункт 68). Жалоба по Статье 2 Конвенции, таким образом, должна быть признана приемлемой.

2. Рассмотрение дела по существу

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Бекмана Асадулаева

77. Суд повторяет, что в свете важности той защиты, которая гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни тщательному рассмотрению, учитывая не только действия представителей государства, но и сопутствующие обстоятельства. Задержанные лица находятся в уязвлённой ситуации и государство должно отвечать за обращение с задержанным лицом, что является особенно важным тогда, когда человек впоследствии умирает или пропадает (см. помимо других дел, *Orhan v. Turkey*, по. 25656/94, § 326, 18 июня 2002, и дела, указанные выше). Если события, о которых идёт речь, полностью или в большой степени известны только властям, как в случае, когда лица задержаны и находятся под контролем властей, любое ранение или смерть, наступившие во время задержания, дают повод к веским доказательствам. В силу этого факта бремя доказывания ложится на власти, которые должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. *Salman v. Turkey* [GC], по. 21986/93, § 100, ECHR 2000 VII, and *Çakıcı v. Turkey* [GC], по. 23657/94, § 85, ECHR 1999 IV).

78. Суд отмечает, что им выработан ряд общих принципов, относящихся к установлению оспариваемых фактов, в частности, при расследовании случаев исчезновения по Статье 2 Конвенции (см. обобщённое изложение этих принципов в деле *Bazorkina v. Russia*, по. 69481/01, §§ 103-109, 27 July 2006). Суд также отмечает, что в процессе сбора доказательств должно учитываться поведение сторон (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 января 1978, § 161, Series A no. 25).

79. Эти принципы также применяются в случаях, когда, хотя и не было доказано, что лицо было задержано представителями государства, представляется возможным установить, что он или она вошли на подконтрольную государству территорию и с тех пор их никто не видел. В таких обстоятельствах Правительство должно предоставить достаточное объяснения того, что произошло на его территории, и показать, что данное лицо не было задержано представителями государства, а покинуло территорию и не было лишено свободы (см. *Taniş and Others v. Turkey*, по. 65899/01, § 160, ECHR 2005–VIII).

80. Заявительницы утверждали, что 14 января 2004 года их родственник, Бекман Асадулаев, был похищен представителями государства с охраняемой территории МВД и затем пропал без вести. Заявительницы не были очевидцами этих событий. Однако они предоставили письменные показания г-на А., который сопровождал

Бекмана Асадулаева в тот день; сделанные от руки карты территории МВД; показания первой заявительницы SRJI и постановление районного суда от 25 мая 2006 года, вынесенное в ходе процесса по признанию Бекмана Асадулаева умершим.

81. Правительство отрицало, что представители государства имели отношение к похищению Бекмана Асадулаева. Хотя Правительство и ссылается на некоторые несоответствия в показаниях заявительниц и свидетелей, оно не оспаривает основных фактов, подкрепляющих версию заявительниц о похищении. Правительство также настаивало на том, что расследование ещё не завершено, и что оно не подтверждает мнение заявительниц.

82. Суд отмечает, что с самого начала, несмотря на запросы о предоставлении копий расследования дела о похищении Бекмана Асадулаева, Правительство не предоставило никаких документов, ссылаясь на Статью 161 УПК. Суд отмечает, что в предыдущих делах он уже находил это объяснение недостаточным для того, чтобы оправдать непредставление ключевой информации, запрашиваемой Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006 ... (выдержки)).

83. Принимая во внимание сказанное, а также с учётом указанных выше принципов, Суд считает, что он может сделать определённые выводы о поведении Правительства в данной ситуации. Таким образом, Суд продолжит изучение главных элементов настоящего дела, которые должны быть учтены при решении вопроса о том, являются ли представители государства ответственными за исчезновение родственника заявительниц, а также вопроса о признании данного лица умершим.

84. Суд отмечает, что стороны согласны с тем, что 14 января 2004 года Бекман Асадулаев был вызван в МВД и затем похищен с его охраняемой территории. В этой связи Суд отмечает, что Правительство не оспаривает описание территории МВД и охраняемой дороги, ведущей к ней, как было представлено заявительницами, в частности, на нарисованных от руки картах, которые они предоставили. Из этих документов следует, что территория МВД была ограждена высоким забором, вход на территорию охранялся вооружёнными охранниками, и допуск на территорию был возможен только через блокпост, на котором информация о посетителях заносилась в специальные вахтовые журналы. Кроме того, два других блокпоста находились на дороге, ведущей к территории МВД. В отсутствие каких-либо заявлений Правительства о том, что 14 января 2004 года было зафиксировано нарушение правил безопасности в связи с незаконной попыткой боевиков проникнуть на территорию МВД через несколько блокпостов, либо других указаний на то, что государственные органы провели расследование подобных нарушений, Суд должен сделать вывод о том, что похищение произошло на территории, над которой государство осуществляло полный контроль в указанное время событий. С учётом данного факта и применяя принципы, указанные выше в пункте 79, Суд считает, что Правительство должно предоставить достаточное объяснение того, что произошло на его территории, и показать, что Бекман Асадулаев не был задержан представителями государства, а покинул территорию и не был лишён свободы.

85. Однако Суд не убеждён аргументами Правительства о том, что Бекман Асадулаев был похищен боевиками либо другими лицами по причине “кровной”

мести. Прежде всего, Суд с трудом может представить, как группа из четырёх мужчин в камуфляжной форме в машине без государственных регистрационных номеров и вооружённые автоматическим оружием могла проехать через три блокпоста по пути на охраняемую территорию МВД, войти на охраняемую территорию, заставить человека силой, в дневное время, сесть в машину напротив здания МВД, уехать с охраняемой территории незамеченными и не возбудить никаких подозрений. По мнению Суда, данный факт в большей степени поддерживает аргументы заявительниц, нежели представителей государства (ср. *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, § 59, 5 июля 2007; *Nasukhanova and Others v. Russia*, no. 5285/04, § 95, 18 декабря 2008; and *Ruslan Umarov v. Russia*, no. 12712/02, § 91, 3 июля 2008). Кроме того, если бы похитители были боевиками, было бы разумно ожидать от должностных лиц расследовать такое серьёзное нарушение правил безопасности. Однако ничего из аргументов Правительства не говорит о том, что органы расследования что-либо предпринимали в данном случае. Таким же образом, Правительство не представило никаких доказательств того, что органы расследования разрабатывали теорию “кровной” мести в связи с происшествием или предпринимали ещё какие-либо значимые шаги по расследованию данного направления.

86. Повторяя принципы, упомянутые выше в пункте 79, Суд отмечает, что уже одних указанных элементов достаточно, чтобы сделать вывод о том, что родственник заявительниц был похищен представителями государства. Это, тем не менее, не означает, что Суд не рассмотрит другие обстоятельства, имеющие большое значение для поддержки аргументов заявительниц о том, что их родственник был похищен представителями государства.

87. Так, хотя Суду было отказано в доступе к материалам дела, из решения районного суда от 24 мая 2006 года следует, что последнему такой доступ был предоставлен (см. выше пункт 56). Изучив непосредственно документы расследуемого дела, включая записи показаний г-на Ж., г-на С., г-на Ш. и г-на Д., районный суд сделал вывод о том, что родственник заявительниц был увезён “с ведома” должностных лиц МВД и “скорее всего, представителями силовых структур” (там же).

88. Суд также не может ознакомиться с показаниями г-на Ш. и г-на А., на которые ссылается Правительство, а также районный суд в решении от 25 мая 2006 года. Эти представители государства дали показания следователям о том, что г-н С. подтвердил, что Бекман Асадулаев был увезён “компетентными органами” “для допроса” в связи с “компрометирующей его информацией” (см. выше пункты 32 и 44).

89. Правительство ставит под сомнение некоторые детали событий, предоставленные заявительницами в связи с похищением из родственника, такие как причина его вызова в МВД, точное время прихода вооружённых мужчин в офис г-на Г., их “странная” форма и, наконец, факт одетых на Бекмана Асадулаева наручников. Однако, как точно заявило само Правительство, заявительницы не были очевидцами похищения их родственника и логично, что они основали своё представление событий, основываясь на всех возможных и доступных им источниках информации. Также Суд не считает, что упомянутые несоответствия являются таким уж препятствием для получения связной и убедительной картины

похищения Бекмана Асадулаева, представленной заявительницами. В любом случае в свете сказанного в пунктах 84-86 Суд не считает необходимым уточнять указанные несоответствия.

90. Принимая во внимание указанные выше элементы, Суд согласен с тем, что 14 января 2004 года Бекман Асадулаев был похищен с охраняемой территории МВД представителями государства во время секретной операции по безопасности.

91. Далее Суду необходимо решить, должен ли Бекман Асадулаев считаться умершим вследствие его задержания силой представителями государства. В этой связи Суд отмечает, что районный суд отказался признать родственника заявительниц умершим. Во-первых, районный суд отметил, что установленный законом пятилетний срок для объявления лица умершим в обычных обстоятельствах не истек в момент расследования дела. Во-вторых, районный суд не посчитал, что родственник заявительниц пропал без вести при обстоятельствах, угрожающих смертью (см. выше пункт 56). Однако Суд не согласен с выводами районного суда по следующим причинам.

92. Во-первых, Суд повторяет, что в соответствии с принципом ответственности, установленным международным правом, его компетенция определена Конвенцией, которая основывается на собственных положениях, которые толкуются и применяются на основе целей Конвенции и в свете соответствующих принципов международного права (см. *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 284, ECHR 2001 VII (выдержки)).

93. Кроме того, в постановлении *Timurtaş v. Turkey* (no. 23531/94, §§ 82-83, ECHR 2000 VI) Суд отметил:

«...когда лицо берется под стражу в хорошем состоянии здоровья, но при освобождении у него обнаружены повреждения, для государства является обязательным предоставление приемлемых объяснений тому, каким образом были получены эти повреждения, при несоблюдении чего возникает вопрос о нарушении Статьи 3 Конвенции....Таким же образом Статья 5 налагает на государство обязательство отчитаться за местонахождение любого находящегося под стражей лица, которое, таким образом, помещено под контроль властей....Вопрос о том, поднимет ли не предоставление властями приемлемого объяснения участи задержанного, при отсутствии тела, вопрос о нарушении Статьи 2, зависит от всех обстоятельств дела, и в частности, от наличия достаточных косвенных доказательств, основанных на конкретных элементах, из которых, на основании требования о стандарте доказывания, можно сделать вывод о том, что задержанного можно считать умершим во в время нахождения под стражей....»

В данном отношении фактором, который следует принять во внимание, хотя он и не является сам по себе решающим, является период времени, прошедший с момента помещения лица под стражу. Необходимо признать то, что чем больше времени проходит без каких-либо известий о задержанном, тем больше вероятность того, что он или она умерли. Таким образом, перед тем, как сделать вывод о том, что данное лицо может считаться умершим, время, прошедшее с момента задержания, может до некоторой степени, повлиять на значимость других аспектов косвенных доказательств. В связи с этим Суд считает, что такая ситуация создает основания для возникновения вопросов, выходящих за рамки простого необоснованного задержания, проведенного в нарушение Статьи 5. Такая интерпретация способствует эффективной защите права на жизнь, предусмотренного Статьей 2, считающейся одной из самых основополагающих норм Конвенции....»

94. В свете указанного выше, Суд определил ряд важнейших элементов в настоящем деле, которые должны быть приняты во внимание при решении вопроса, может ли Бекман Асадулаев считаться умершим. Так Суд отмечает, что он считает установленным факт похищения родственника заявительниц с охраняемой

территории МВД неизвестными представителями государства. О нём не было никаких известий с тех пор и уже в течение более пяти лет. Суд особенно подчёркивает, что в ряде случаев, касающихся исчезновения людей в Чеченской Республике, много раз говорилось о том, что когда лицо задерживают неизвестные представители государства без последующего подтверждения задержания, это может рассматриваться как обстоятельства, угрожающие смертью (см., помимо многих других дел, *Bazorkina and Imakayeva*, оба дела цит. выше; *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006 ... (выжимки); *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 апреля 2007; *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, no. 40464/02, 10 мая 2007, and *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, 5 июля 2007). Суд применяет те же соображения к ситуации, когда человек вошел на территорию помещения милиции, ушел и не вернулся. (см. *Yusupova and Zaurbekov v. Russia*, no. 22057/02, § 55, 9 октября 2008). Отсутствие каких-либо новостей от Бекмана Асадулаева в течение более пяти лет подкрепляет данное утверждение. Кроме того, его имя не было найдено в официальных записях изоляторов временного задержания. Наконец, Правительство не смогло объяснить исчезновение Бекмана Асадулаева, а официальное расследование о его похищении с целью выкупа, которое тянулось более пяти лет, не дало никаких результатов.

95. По вышеуказанным причинам Суд считает, что Бекман Асадулаев должен считаться умершим после его не признаваемого похищения и задержания представителями государства 14 января 2004 года.

96. В отсутствие каких-либо обоснованных объяснений обстоятельств смерти Бекмана Асадулаева со стороны Правительства Суд также считает, что Правительство не объяснило смерть родственника заявительниц и, таким образом, государство-ответчик несёт ответственность за его смерть.

97. Поэтому в данном случае имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции

(b) Предполагаемое несоответствие требованиям Конвенции расследования похищения

98. Суд повторяет, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции вместе с общей обязанностью государства по Статье 1 Конвенции “обеспечивать каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определённые в Конвенции” также подразумевает наличие действенной формы официального расследования в случае, когда лица лишаются жизни в результате применения силы (см. *Kaya v. Turkey*, 19 февраля 1998, § 86, *Reports 1998 I*). Существенной целью такого расследования является обеспечение эффективного исполнения национального законодательства, защищающего право на жизнь, и, по делам, связанным с участием представителей государства или государственных органов, привлечение их к ответственности за смерти, за которые они должны нести ответственность. Такое расследование должно быть независимым, открытым для доступа семье пострадавшего, выполняться в разумные сроки и быстротой, эффективным в том смысле, что оно способно принять решение, было ли применение силы в данном случае оправдано или нет при таких обстоятельствах или же оно было незаконным, и предоставлять достаточную часть для открытого рассмотрения следствия или его результатов (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, № 24746/94, §§ 105-109, ECHR 2001 III

(выдержки), и *Douglas-Williams v. the United Kingdom (решение)*, № 56413/00, от 8 января 2002).

99. Суд сразу же отмечает, что Правительство не предоставило Суду материалы уголовного дела. Поэтому Суду придётся оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены заявительницей, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

100. Возвращаясь к обстоятельствам дела, Суд отмечает, что согласно информации Правительства, г-н С. сообщил органам МВД о похищении Бекмана Асадулаева 14 января 2004 года, то есть в день его исчезновения. Однако представляется, что никаких шагов не было предпринято органами до 17 января 2004 года, когда третья заявительница подала формальную жалобу об исчезновении своего брата в районную прокуратуру. Суд далее отмечает, что хотя 17 и 23 января 2004 года г-н Ш. и г-н С. соответственно были допрошены в ходе служебного расследования, районная прокуратура только спустя 18 дней приняла решение возбудить уголовное дело о похищении Бекмана Асадулаева. По мнению Суда, эта существенная отсрочка, по которой не было предоставлено никаких объяснений, сама по себе негативно повлияла на расследование такого преступления, как похищение в обстоятельствах, угрожающих смертью, когда необходимые действия должны предприниматься незамедлительно.

101. Суд далее отмечает, что, согласно Правительству, после возбуждения уголовного дела следователи допросили некоторых свидетелей, признали третью заявительницу потерпевшей и послали несколько запросов об информации различным органам. Тем не менее, Суд полагает, что Правительство не предприняло ряд существенных шагов. Самое важное, нет никаких указаний на то, что следователи попытались идентифицировать и допросить военнослужащих и охранников, несущих службу 14 января 2004 года, на каждом из блокпостов. Также Суд отмечает, что следователи не проверили регистрационные журналы, которые велись на этих блокпостах. Кроме того, Правительство не настояло на том, чтобы следователи допросили г-на Г., на приёме у которого были Бекман Асадулаев и г-н Ш. 14 января 2004 года, и который, согласно г-ну Ш., находился у себя в кабинете, когда туда вошли вооружённые люди в камуфляжной форме. Суд также удивлён тем фактом, что хотя, согласно аргументам Правительства, г-н Ш. отчётливо заявил, что похитители Бекмана Асадулаева не носили маски и что он бы их узнал, никаких попыток не было предпринято, чтобы их опознать, например, с помощью составления их фоторобота. Также из аргументов Правительства не следует, что предпринимались какие-либо попытки для идентификации машины, на которой похитители увезли Бекмана Асадулаева. По мнению Суда, все эти упущения со стороны следственных органов явно помешали следствию восстановить обстоятельства похищения родственника заявительниц и установить ответственных за преступление.

102. Суд также отмечает, что хотя третья заявительница была признана потерпевшей, ясно, что она не была проинформирована о значимых следственных мероприятиях. В частности, следует, что ей вовремя не сообщили о возбуждении уголовного дела. Несмотря на повторяющиеся запросы о предоставлении информации со стороны третьей заявительницы и представителей заявительниц,

обнаруживается, что заявительницам не было сообщено даже о такой базовой информации, как решения о приостановлении и возобновлении расследования. Кроме того, нет указаний на то, что первая и вторая заявительницы были признаны потерпевшими. Соответственно, следователи не смогли обеспечить должный уровень общественного контроля над расследованием или гарантировать легитимность интересов ближайших родственников в процессе (см. *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 92, ECHR 1999 III).

103. Наконец, Суд отмечает, что расследование ведётся более пяти лет и, согласно Правительству, было приостановлено и возобновлено несколько раз в связи с неустановлением личности преступников. Правительство не смогло привести точные даты этих решений, а из его аргументов неясно, были ли предприняты какие-либо следственные действия после 30 апреля 2004 года, и если были, то какие именно. Суд сомневается, что способ проведения расследования повысил шансы установления личности преступников и определения судьбы Бекмана Асадулаева.

104. Рассмотрев предварительные возражения Правительства, которые были присоединены к рассмотрению жалобы по существу, Суд считает, что заявительницы, не имевшие доступа к материалам дела и не информированные о ходе следствия, включая самые основные решения, не могли оспорить действия или бездействия следственных органов в суде согласно Статье 125 УПК, как это было предложено Правительством. Таким образом, большое сомнение вызывает предположение о том, что данное средство правовой защиты имело шансы на успех. Поэтому Суд считает, что при таких обстоятельствах упомянутые Правительством средства правовой защиты были неэффективными и отклоняет предварительное возражение о не исчерпании заявительницами внутренних средств правовой защиты с точки зрения уголовного расследования.

105. В свете вышесказанного, Суд заключает, что представители государства не провели эффективного уголовного расследования в обстоятельствах похищения и последующей смерти Бекмана Асадулаева в нарушение Статьи 2 в её процессуальной части. Поэтому в этой части также имеет место нарушение статьи 2.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

106. Заявительницы, ссылаясь на Статью 3 Конвенции, заявили, что в результате исчезновения их родственника и не проведения Государством надлежащего расследования этих событий, они испытали душевные страдания в нарушение Статьи 3 Конвенции. Статья 3 гласит:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию”.

A. Аргументы сторон

107. Правительство утверждало, что расследование не установило, что родственник заявительниц был похищен представителями государства. Также не было установлено, что заявительницы подвергались обращению, противоречащему

Статье 3 Конвенции.

108. Заявительницы повторили свои жалобы.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

109. Суд считает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении части 3 Статьи 35 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

110. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особую степень и характер, отличные от эмоционального расстройства, которое можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие факторы включают крепость семейных уз, особые обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи стал свидетелем рассматриваемых событий, участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и реакцию властей на подобные запросы. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, но, скорее, относится к реакции и позиции властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что сам является прямой жертвой действий властей (см. *Orhan*, цит. выше, § 358 и *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

111. В данном деле Суд отмечает, что пропавшее лицо является братом первой и третьей заявительниц и мужем второй заявительницы. Более пяти лет у них не было никакой информации о нём. Хотя заявительницы не были очевидцами задержания Бекмана Асадулаева, первая и третья заявительницы обращались в государственные органы с запросами о нём. Несмотря на все попытки, они не получили никакого вразумительного объяснения или информации о том, что с ним произошло после его похищения. Выводы Суда по процессуальному аспекту также прямо относятся к данному вопросу. Суд также считает, что вторая заявительница, которая является ближайшим родственником пропавшего лица, была также в каком-то смысле задействована в поисках мужа. По мнению Суда, вторая заявительница в связи с исчезновением мужа должна была испытывать душевные страдания в связи с тем, что районный суд прямо заявил, что её муж был задержан должностными лицами силовых структур и с ведома должностных лиц МВД, а следователи настойчиво отрицали какое-либо участия представителей государства в похищении.

112. В свете вышесказанного Суд считает, что заявительницы испытывали эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения их близкого родственника и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному

обращению, нарушающему Статью 3.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

113. Далее заявительницы утверждали, что Бекман Асадулаев был задержан в нарушение гарантий по Статье 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

A. Аргументы сторон

114. По мнению Правительства, следствием не было получено доказательств, подтверждающих, что Бекман Асадулаев был лишён свободы в нарушение гарантий, установленных Статьей 5 Конвенции.

115. Заявительницы повторили свои жалобы.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

116. Суд считает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении части 3 Статьи 35 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

117. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5

для обеспечения права лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также отмечалось, что не признаваемое властями задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, № 25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г., и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

118. Суд считает установленным, что Бекман Асадулаев был задержан агентами государства 14 января 2004 года и с тех пор отсутствует. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, официальных сведений о его дальнейшем местонахождении и судьбе не имеется. В соответствии с практикой Суда, сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

119. Далее Суд считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителек на то, что их близкого родственника задержали и увезли при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше выводы Суда в отношении Статьи 2, и в частности, характер ведения следствия, не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по его защите от риска исчезновения.

120. Следовательно, Суд считает, что Бекман Асадулаев подвергся безвестному задержанию и был лишён гарантий, предусмотренных Статьей 5. Это является чрезвычайно серьёзным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

121. Заявительницы жаловались по Статье 13 Конвенции, что были лишены эффективных средств правовой защиты в отношении вышеупомянутых нарушений. Статья 13 гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

A. Аргументы сторон

122. Правительство утверждало, что заявительницы имели эффективные средства правовой защиты в их распоряжении, как того требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали им в использовании этих средств.

123. Заявительницы повторили свои жалобы.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

124. Суд считает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении части 3 Статьи 35 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому её следует считать приемлемой.

2. Существо дела

125. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальной правовой системе. Согласно установившейся практике Суда, Статья 13 Конвенции требует, чтобы на национальном уровне имелось правовое средство, позволяющее компетентному государственному органу принять решение по сути жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение ущерба, хотя Высоким Договаривающимся Сторонам и дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Однако требование о наличии такого правового средства касается только тех жалоб, которые можно считать «потенциально достоверными» по смыслу Конвенции (см., среди прочих, дела *Halford v. the United Kingdom*, 25 июня 1997 года, § 64, *Reports* 1997 III).

126. Что касается жалобы о недостатке эффективных правовых средств в отношении жалобы заявительниц по Статье 2, то Суд подчёркивает, что учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению и наказанию ответственных за лишение жизни, включая фактический доступ истца к процессу следствия (см. *Anguelova v. Bulgaria*, по. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Suheyla Aydin v. Turkey*, по. 25660/94, § 208, 24 мая 2005). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Высокой Договаривающейся Стороны, согласно Статье 2, проводить эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, цит. выше, § 183).

127. В свете выводов Суда в связи со Статьёй 2, данная жалоба явно приемлема для целей Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, 27 апреля 1988, § 52, Series A no. 131). Заявительницы, таким образом, должны были иметь эффективные и практические средства правовой защиты, способные привести к установлению и наказанию ответственных, а также предоставить компенсацию в целях Статьи 13.

128. Это означает, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование по уголовному делу, возбужденному по факту исчезновения было неэффективным, из-за чего была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства, включая гражданский иск, государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

129. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 в связи со Статьёй 2 Конвенции.

130. Относительно нарушения Статьи 3 Конвенции в связи с тем, что заявительницы испытывали моральные страдания в результате исчезновения их

родственника, неспособности выяснить, что с ним произошло и тем, как власти реагировали на их жалобы, Суд отмечает, что он уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции в части поведения властей, вызвавшего душевные страдания заявителек. Суд считает, что при данных обстоятельствах нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

131. В отношении ссылки заявителек на Статью 5 Конвенции Суд повторяет, что согласно его установленному прецедентному праву, более определённые гарантии части 4 и 5 Статьи 5 будучи *lex specialis* по отношению к Статье 13, поглощают ее требования. В свете вышеописанных выводов по нарушению Статьи 5 Конвенции вследствие незаконного задержания, Суд полагает, что никакой отдельный вопрос не подлежит рассмотрению в отношении Статьи 13, взятой вместе со Статьей 5 Конвенции в обстоятельствах данного дела.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

132. Заявительницы жаловались, что подверглись дискриминации при осуществлении своих прав, защищаемых Конвенцией, утверждая, что названные нарушения были связаны с тем, что они проживают в Чечне, и с их чеченским этническим происхождением. Это противоречит Статье 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

133. Суд отмечает, что в его распоряжении нет доказательств, которые свидетельствовали бы об ином обращении с заявительницами, нежели с другими людьми в аналогичной ситуации, без объективных и объяснимых причин, а также доказательств того, что заявительницы когда-либо ранее обращались с подобной жалобой к российским властям. Поэтому Суд находит, что по данной жалобе нет нарушения Статьи 14 Конвенции.

134. Таким образом, в этой части жалоба является явно необоснованной и должна считаться неприемлемой в соответствии с частями 3 и 4 Статьи 35 Конвенции.

VII. ЗАЯВЛЕНИЕ ПО СТАТЬЕ 41 КОНВЕНЦИИ

135. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Возмещение ущерба

1. Возмещение материального ущерба

136. Вторая заявительница жаловалась, на то что она и её двое детей понесли материальный ущерб в связи с потерей заработков мужа с момента его похищения и исчезновения. Она потребовала 1 миллион 31 тысячу 794 рублей 70 копеек (приблизительно 16200 евро) в этой связи. Первая и вторая заявительницы не предъявили требований компенсации материального ущерба.

137. Вторая заявительница предъявила справку из Грозненского РОВД о том, что зарплата Бекмана Асадулаева за последний месяц работы составляла 6 тысяч 159 рублей 16 копеек. Ссылаясь на положения Гражданского кодекса и актуарные таблицы для исчисления компенсационных выплат при травматизме и смертности от несчастных случаев, опубликованных Государственным актуарным департаментом Великобритании в 2007 году («Огденские таблицы - Ogden tables»), вторая заявительница заявила, что она могла бы рассчитывать на поддержку в размере 20% от заработка Бекмана Асадулаева, а её дети могли бы рассчитывать на поддержку в размере 10 % от заработка отца.

138. Правительство заявило, не оспаривая детали требований, что вторая заявительница должна была основывать свои требования на Статье 1088 Гражданского кодекса, а не при помощи Ogden tables. Оно также отметило, что заявительница не воспользовалась правом потребовать компенсацию за потерю кормилица, предоставленное внутренним законодательством.

139. Суд повторяет, что между требуемой заявителями компенсацией и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Учитывая сделанные выше выводы, несомненно, существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении мужа заявительницы и потерей ею финансовой поддержки, которую он мог бы обеспечить. Суд также считает, что потеря заработка имеет отношение к иждивенцам и считает разумным предполагать, что дети Бекмана Асадулаева получили бы от него материальную поддержку (см. *Imakayeva*, цит. выше, §213). Принимая во внимание утверждения второй заявительницы, Суд присуждает второй заявительнице 20.000,00 евро в возмещение материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

2. Возмещение морального вреда

140. Заявительницы потребовали компенсации за страдания, которым они подверглись в результате потери родственника, невозможности похоронить его надлежащим образом и проявленного властями безразличия в связи с расследованием его похищения. Первая и третья заявительницы потребовали 25.000,00 евро каждая, вторая заявительница потребовала 50.000,00 евро в этой связи.

141. Правительство сочло данную сумму компенсации завышенной.

142. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в части неизвестного задержания и исчезновения родственника заявительниц. Заявительницы были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что им был причинен моральный ущерб, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает второй заявительнице

31.000,00 евро и по 2.000,00 евро первой и третьей заявительницам в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Издержки и расходы

143. Заявительниц в Суде представляли сотрудники организации «Правовая инициатива по России». Они подали перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве, по ставке 50 евро в час за составление юридических документов для Суда и внутригосударственных органов власти, по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и по ставке 150 евро для старших юристов SRJI, плюс административные расходы, перевод и почтовые расходы. Общая требуемая сумма в части расходов и затрат по представлению интересов заявительниц составила 6.118,39 евро.

144. Правительство заявило, что Суд должен требовать возмещение затрат только в том случае, если они действительно имело место и имели разумные размеры.

145. Суду, во-первых, необходимо установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные представителями заявительниц, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми. (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, 27 сентября 1995, § 220, Series A №324).

146. Принимая во внимание детализацию представленных сведений и соглашения на оказание услуг по юридическому представлению интересов, представленные заявительницами, Суд считает указанные ставки оплаты разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявительниц.

147. Также необходимо установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные за представление интересов, были необходимы. Суд признает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Однако Суд отмечает, что дело не требовало подготовки большого объема письменных доказательств в связи с отказом Правительства предоставить материалы дела. Кроме того, благодаря применению части 3 Статьи 29 в данном деле, представители заявительниц подали документы с аргументами о приемлемости и существовании дела одновременно. Поэтому, Суд сомневается в необходимости проведения исследовательской работы в объеме, указанном представителями заявительниц.

148. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, Суд присуждает им сумму в размере 5.200,00 евро плюс НДС, если он начисляется на данную сумму; данная сумма подлежит уплате на банковский счет представителей в Нидерландах, указанный заявительницами.

С. Выплата процентов

149. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Решает* соединить рассмотрение дела по существу и возражения Правительства о не исчерпании внутренних средств правовой защиты, которые Суд отклоняет;
2. *Постановляет*, что жалобы по Статьям 2, 3, 5 и 13 Конвенции приемлемы, а оставшаяся часть жалобы неприемлема;
3. *Постановляет*, имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Бекмана Асадулаева;
4. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Бекмана Асадулаева;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий заявительниц;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Бекмана Асадулаева;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции, взятой вместе со Статьей 2 Конвенции;
8. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 3 и 5;
9. *Постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии с частью 2 Статьи 44 Конвенции, произвести следующие выплаты:
 - (i) 20.000,00 (двадцать тысяч евро) второй заявительнице в качестве материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате, конвертируемые в российских рублях по курсу на дату выплаты;
 - (ii) 31.000,00 (тридцать одну тысячу евро) второй заявительнице, по 2.000 (две тысячи евро) первой и третьей заявительницам в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате, конвертируемые в российских рублях по курсу на дату выплаты;
 - (iii) 5.200,00 (пять тысяч двести евро), плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявительницами, на счет банка представителей заявительниц в Нидерландах;
 - (б) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
10. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявительниц о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 17 сентября 2009 года в соответствии с Правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, Секретарь Секции
Кристос Розакис, Председатель